



ЛЁД ПОМНИТ ВСЁ

Владимир Пайлодзе

Владимир Пайлодзе

Лёд помнит всё

<https://litres.ru/74524453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он уже не впервые начинает жизнь заново.

Теперь — Тбилиси середины шестидесятых, тело мальчика и лёд, на котором всё придётся начинать сначала.

Только Ладиа слишком хорошо знает, каким станет фигурное катание через десятилетия.

И ждать, пока время догонит его, он не собирается.

Сначала над мальчишкой смеются, потом пытаются остановить, а вскоре взрослые мастера и европейские чемпионы понимают: рядом с ними на лёд вышло будущее.

Но есть ещё Голос.

И Ладиа всё труднее понять, где заканчиваются его слова — и начинаются собственные мысли.

Содержание

Пролог. Петля.	4
Глава 1. Возвращение.	16
Г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Пайлодзе

Лёд помнит всё

Пролог. Петля.

Часть 1. Разговор с Голосом.

Темнота. Та самая, что была в конце.

Я не удивился. Я уже был здесь. Совсем недавно. Или совсем давно. Время в этом месте не имело значения.

— Ты снова здесь, — произнёс я в пустоту. Не как вопрос. Как констатацию факта.

Свет дрогнул, и в нём проступили знакомые, тёплые нотки. Те самые, что были в прошлый раз. Когда он отправил меня в Читу, в тело Володи Ворона.

— Я наблюдал, Мастер, — отозвался Голос. — Ты построил мост. Ты создал цивилизацию. Ты дал Сашке его сорок третий прыжок. Это было... безупречно.

— Тогда почему я здесь? — мой голос был спокойным, почти равнодушным. Я уже не боялся. Я уже знал правила этой игры. — Я выполнил условия. Я достиг большего. Я готов к покою.

— Покой заслужен, — согласился Голос. — Но ты забыл одну деталь. Ту самую, с которой всё началось. Не в Чите. А раньше.

В белом пространстве вдруг запахло больничным спиртом, хлоркой и сыростью подвала. Я вздрогнул.

— Десять лет, — прошептал я. — Тбилиси. Одна тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. Я заболел. Я чуть не умер. Но я не помню... я не помню, что было до того, как я открыл глаза в палате.

— Потому что это был твой первый черновик, — мягко сказал Голос. — Ты уже приходил ко мне. Но тогда ты сломался. Ты выбрал путь зрителя, путь тренера у бортика, потому что испугался льда. Ты спрятался за спинами учеников.

Я замер. Холод, настоящий, пронзительный холод, пробежал по воображаемой спине.

— Что ты предлагаешь?

Теперь мой голос стал твёрдым, как тот самый лёд, который я когда-то так любил и так боялся.

— Возвращение к истоку. В твоё настоящее тело. Тбилиси, одна тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. Но на этот раз — без подсказок. Никакого «интернета». Никаких чертежей ракет. Только ты. Твой характер. Твоя память о каждом повороте конька, о каждом прыжке, о каждой ошибке, которую ты заставлял делать других, но боялся сделать сам.

— И если я откажусь?

— Ты не откажешься. Потому что ты, Мастер, не умеешь оставлять вещи недоделанными. Особенно — самого себя.

Свет начал сужаться, превращаясь в ослепительную точку.

— В этот раз ты будешь не архитектором империй, — прозвенел Голос, уже удаляясь. — В этот раз ты будешь просто Фигуристом... Удиви себя.

И меня снова швырнуло вниз.

Часть 2. Пробуждение

Темнота отступила не рывком, а медленно, как мутная вода, стекающая с глаз.

Первым вернулся запах.

Резкий, тошнотворный коктейль из карболки, кипячёной ветоши и старого линолеума.

Я попытался вдохнуть глубже, но грудная клетка отозвалась хриплым, мокрым кашлем.

Тело было чужим.

Нет, не так.

Оно было моим.

Но каким-то неправильным. Слишком лёгким, слишком слабым, пронизанным глухой, ноющей болью в суставах.

Десять лет.

Тбилиси.

Одна тысяча девятьсот шестьдесят пятый год.

Я вспомнил.

Та самая болезнь, после которой я, по версии моей «первой» жизни, чудом выкарабкался. Но навсегда потерял здоровье для большого спорта.

Та самая болезнь, которая в итоге привела к травме.

К той самой травме, что заперла меня у бортика.

Я лежал, глядя в треснувший потолок с облупившейся побелкой.

Инстинкт, отточенный десятилетиями, сработал раньше мысли.

Я мысленно «потянулся» к Сети.

Запросил дату.

Сводку новостей.

Медицинский справочник по своим симптомам.

Тишина.

Абсолютная, звенящая, глухая тишина внутри черепа.

Никакого потока данных.

Никакого «ментального интернета».

Только гул собственной крови в ушах и далёкий стук капельницы за стеной.

«Значит, правда».

Странно, но эта мысль принесла почти горькое удовлетворение.

«Только навыки. Только память. Только я».

Я закрыл глаза, пытаюсь собрать в кулак остатки воли.

Нужно встать.

Нужно понять, что делать дальше.

Но тут, в этой вязкой, лихорадочной тишине, всплыла фраза, которую я сказал Голосу всего несколько секунд — или вечностей — назад:

«Я свой путь прошёл. Честно. И ни о чём не жалею».

И вдруг меня пронзил ледяной, липкий ужас.

Часть 3. Осознание.

Почему я так уверен, что это мой первый путь?

Я напряг память, пытаюсь вспомнить те дни в этом времени. Ту самую «болезнь». Я помнил жар. Помнил плач матери. Помнил вкус какого-то горького лекарства.

Но я не помнил, как заболел. Не помнил ни одного дня перед этим. Словно кусок плёнки вырезали и склеили грубым монтажом.

А с Вороном было иначе. Когда Голос отправил меня в Читу, в тело Володи Ворона, я помнил всё. Я помнил его детство, его школу, его первую тренировку. Я помнил, как он не любил лёд, как падал, как вставал. Я помнил его жизнь, как свою собственную.

А здесь? Здесь я помню только болезнь. Только палату. Только боль.

А что, если я не помню, потому что этого не было?

Эта мысль ударила сильнее, чем любой грузовик на трассе.

А что, если та «первая» жизнь, где я стал тренером в Харбине, была не первой?

Что, если это был один из черновиков? Одна из попыток? Один из витков?

Что, если я уже был здесь? В этом теле? В этой палате?

И Голос просто стирал мне память каждый раз, когда я умирал, чтобы начать заново?

Я попытался пошевелить ногой. Той самой, которую когда-то, в «другой жизни», сломал так, что меня навсегда заперло у бортика.

Сейчас она была цела. Но я помнил эту боль. Помнил, как хрустнул сустав, как рухнула мечта. Помнил, как стоял у бортика и смотрел, как другие делают то, что должен был делать я.

Но что, если это воспоминание — не ложное, а просто не единственное?

Что, если я был фигуристом не один раз? Что, если я получал травму не один раз? Начинал сначала не один раз? Что, если Голос просто дал мне прожить ещё одну из жизней, чтобы я поверил в «первую» жизнь?

И тут меня пронзила ещё одна мысль. Ещё более страш-

ная.

А что, если мой характер — тоже результат многих жизней?

Часть 4. Селекция.

Я вспомнил себя в «первой» жизни. Тренер-деспот. Тиранин на льду. Перфекционист, который не прощал ошибок. Циник, который жертвовал всем ради результата. Одинокий. Без семьи. Без близких. Только лёд и ученики, которые его боготворили, но не любили.

Я вспомнил себя в жизни Ворона. Архитектор империи. Руководитель Спецкомитета. Человек, который строил цивилизации и хоронил друзей. Но он не был одиноким. У него была Лиза. Были дети. Были внуки. Были ученики, которые стали космонавтами. Он умер в окружении людей, которые его любили.

И это были разные чувства.

Уважение. Страх. Любовь за достижения. За империю. За то, что он построил. И любовь просто за то, что он есть. За то, что он любил.

Может, в «первой» жизни мне как раз и не хватало каких-то мелочей. Может, мне не хватало именно этого — настоящей близости. Той, которая была у Ворона.

Два разных человека. Два разных тела. Две разных жизни. Но одинаковый стержень. Одинаковая воля. Одинаковый перфекционизм. Одинаковая жестокость.

Это не случайность. Это — селекция.

Я понял. Голос не просто отправляет меня назад. Голос куёт меня. Как кузнец куёт меч: нагревает, бьёт, охлаждает. Снова и снова. И с каждым разом металл становится крепче.

Каждая петля — это отжиг. Отжиг всего мягкого, человеческого, слабого. Оставление только стали.

Мой характер — не только мой. Моя воля — выкована не только мной. Моё «железо» — результат многих печей. Я — не просто человек. Я — проект.

Но если я проект, то что Голос хочет от меня в этот раз? Зачем отправляет обратно в слабое, больное тело? Зачем лишает «интернета»? Зачем оставляет только навыки и память?

Чтобы я стал фигуристом? Нет. Это слишком просто.

Чтобы я разорвал петлю? Может быть. Но тогда почему он так спокоен?

Может быть, он хочет, чтобы я научился чему-то новому? Не стали. Не воле. А чему-то, чего не было ни в «первой» жизни, ни в жизни Ворона? Настоящей близости. Не за достижения. Не за империю. А просто так.

И тогда, в этой тишине, я услышал ответ.

Не голос. Не слова. Просто... ощущение. Тёплое, почти ласковое. Как будто кто-то одобрительно кивнул в темноте.

Тепло, мастер. Тепло.

И я понял: это не одобрение моих догадок. Это одобрение моей эволюции. Я стал тем, кем он хотел меня видеть. Я стал мечом.

Но если я меч, то у меча есть выбор: служить кузнецу или вонзиться в него. Или... может быть, в этот раз он хочет, чтобы я перестал быть мечом? Чтобы я стал чем-то другим? Чем-то, чего не было ни в одной из предыдущих жизней?

Это петля. И я в ней не первый раз.

Дверь открылась.

— Очнулся, маленький? — раздался женский голос.

Я медленно повернул голову. И мир вокруг меня на долю секунды дрогнул, словно глитч в старой видеокассете.

Я открыл глаза. Страх ушёл. Осталась только холодная, расчётливая ярость.

Если это игра, я найду правила.

Если это петля, я её разорву.

Если я меч, я выберу, в кого вонзиться.

А если ты просто скучаешь, Голос... то я сделаю так, что тебе станет очень интересно. Или очень страшно.

Я сжал кулак. Слабый, детский кулак. Но в нём была воля человека, который уже прожил не одну жизнь. И который теперь понял: возможно даже его воля принадлежит ему не

целиком.

«В этот раз, — подумал я, — я не просто стану фигуристом. В этот раз я найду тебя. И ты ответишь за каждую петлю. За каждый отжиг. За каждый меч, который ты выковал и сломал».

«И если я — твой проект, то я стану твоим провалом».

«А если ты хочешь, чтобы я научился чему-то новому... то я научусь. Но на своих условиях».

Я ещё не знал, прав ли.

Но впервые мне хотелось это выяснить.

Глава 1. Возвращение.

Дверь палаты открылась с тихим, сухим стуком.

— Очнулся, маленький? — раздался женский голос.

Я медленно повернул голову.

И мир вокруг меня на долю секунды дрогнул, словно глитч на старой видеокассете.

Палата была маленькой, с облупившейся побелкой на потолке и старым линолеумом на полу. Пахло хлоркой и чем-то ещё — тем особым больничным запахом, который невозможно спутать ни с чем.

Запахом страха и надежды, смешанных с карболкой.

В палату вошла она.

Моя мать.

Медея Отиевна Геловани-Чиковани.

В Тбилиси одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года её знали как старшего тренера республики по фигурному катанию. В кабинетах Спорткомитета ГССР перед её авторитетом пасовали даже партийные чиновники. Она лично вела жесточайшие отборы в секцию, не делая поблажек ни детям министров, ни сыновьям генералов.

Дочь сванских князей Геловани, суровых правителей ледников и гор, она и на катке держалась как настоящая королева. Статная, с безупречной осанкой, в элегантном демисе-

зонном пальто, от которого пахло морозной свежестью катка и французскими духами, принесёнными отцом из заводского спецраспределителя.

Но сейчас от её обычной гордости почти ничего не осталось.

Под глазами залегли тёмные круги от бессонных ночей. Волосы были слегка растрёпаны.

Я смотрел на неё взглядом старого, циничного тренера из Харбина и бывшего главы Спецкомитета в Москве.

В моей памяти она осталась глубокой старухой, ушедшей много лет назад.

А здесь ей было чуть за тридцать.

Она была молодой.

Красивой.

И испуганной.

— Лáдо... — выдохнула она, и маска строгого тренера окончательно разбилась.

Она бросилась к кровати, уронив сумочку на больничный линолеум, и прижала ладонь к моему лбу.

Я инстинктивно вздрогнул.

Тело, подчиняясь старым рефлексам Ворона, напряглось для обороны. Детский кулак сжался, взгляд стал холодным, оценивающим.

Но Медея не заметила этой взрослой жёсткости.

Она почувствовала главное.

Кожа была сухой и прохладной.

Смертельный жар, выжигавший меня несколько дней, ушёл.

Она прижала мою голову к груди и перешла на глухой, дрожащий, чисто мингрельский шёпот, целуя меня в висок:

— Лáдиа... нáнаш сквá... дитя моё... Ты прохладный. Глазки открыл. Нáнаш гури — сердце мамы, боже мой, живой... Нáнаш нáкцеци — частичка мамы...

Моя «проектная сталь», выкованная Голосом в десятках печей, дала глубокую трещину.

Вся моя ярость против кузнеца наткнулась на эту волну чистой, безусловной, иррациональной материнской любви.

Голос говорил мне в темноте:

«Может, он хочет, чтобы ты научился чему-то новому... Настоящей близости. Не за достижения... А просто так».

И эта близость сейчас держала меня за плечи.

Я медленно разжал кулак.

— Ори коли ре, нана, — хрипло ответил я по-мингрельски. — Всё хорошо, мама...

Её мингрельские слова сами вытащили из глубин детской памяти родной язык.

Медая отстранилась и вдруг замерла, удивлённо вглядываясь в моё лицо.

Голос был детским, но интонация...

В ней не было детской слабости.

Я смотрел на неё прямо, тяжело и осознанно.

Так смотрят мужчины их рода.

Она провела ладонью по моим волосам, и я почувствовал, как что-то внутри сжалось.

Не от боли.

От чего-то другого.

От того, чему я пока не мог подобрать название.

— Ты так долго был в бреду, Ладиа, — тихо произнесла она. — Три дня. Врачи не знали, что делать. Я молилась... я молилась всем святым...

Я хотел сказать ей, что помню себя стариком.

Что помню, как строил империю.

Что помню, как хоронил жену и друга на Марсе.

Но не мог.

Не сейчас.

— Просто голова кружится, нана, — соврал я.

Она улыбнулась, но в уголке её рта всё ещё дрожала тревога.

— Отлежишься, — произнесла она. — А потом — обратно на каток. Геловани и Чиковани не сдаются, Ладиа. Ты же хочешь стать чемпионом. Прославить наш род.

Каток.

Я вздрогнул.

В памяти всплыл лёд.

Запах холода и резины.

Звук коньков.

Тренерский свисток.

Падение.

Боль.

Я уже катался.

Я помнил: в семье шутили, что некоторые рождаются в рубашке, а я родился в коньках. Мать поставила меня на лёд раньше, чем научила читать.

Но я не помнил деталей.

Не помнил своих программ.

Не помнил, на каких соревнованиях выступал.

Словно кто-то стёр из головы конкретные движения, оставив только ощущение льда под полозом.

— Да, нана, — произнёс я. — Хочу стать чемпионом.

Она улыбнулась, и в её измученных глазах на мгновение вспыхнула та самая сванская гордость, которую я помнил.

— Вот и хорошо. Поправляйся, Ладиа. А потом — на лёд.

В этот момент дверь распахнулась шире, и в палату стремительно вошёл лечащий врач, а следом за ним — старый заслуженный тбилисский профессор в круглых роговых очках, один из самых уважаемых медиков республики. За ними робко семенила медсестра с картой.

Ещё три часа назад Владимир Чиковани угасал от тяжелейшей двусторонней крупозной пневмонии с менингеальными симптомами.

В одна тысяча девятьсот шестьдесят пятом году после такого выживали далеко не все. А выжившие нередко распла-

чивались здоровьем на всю оставшуюся жизнь.

В моей «первой» жизни эта болезнь уничтожила здоровье настолько, что большой спорт постепенно стал для меня недостижимым. А потом пришла травма, окончательно запершая меня у бортика.

Профессор молча приблизился, достал фонендоскоп и приложил его к моей груди.

Послушал.

Переставил.

Снова послушал.

Осмотрел зрачки. Проверил коленные рефлексы.

С каждым движением его лицо, покрытое благородными морщинами, становилось всё более растерянным.

Он снял очки, протёр их платком, снова надел и посмотрел на снимок лёгких, который держала медсестра.

Потом на меня.

Я смотрел в ответ.

Спокойно.

Не мигая.

Как опытный тренер смотрит на врача, который сейчас должен вынести заключение. Или как председатель Спецкомитета принимает доклад подчинённого.

Профессору под моим взглядом явно стало не по себе.

Он откашлялся.

— Эраст Давидович... Медея Отиевна...

Он повернулся к дверям, и только сейчас я заметил, что

в проёме стоит отец.

— Я... я не знаю, как это научно квалифицировать. Эксудат практически исчез. Хрипов нет. Неврологические тесты... в норме.

Медсестра за его спиной тихо перекрестилась.

— Этого не может быть, — пробормотал лечащий врач.
— Ещё утром показатели были критическими. А сейчас... словно болезни никогда не было.

Он посмотрел на профессора.

— Это медицинское чудо.

Я мысленно усмехнулся.

Кузнец исправил дефект меча.

Голос позаботился об этом.

Он вернул меня в это время, но дал абсолютно здоровое, чистое тело. Суставы были целы. Сердце работало ровно. Последствия болезни исчезли.

Системная ошибка прошлого черновика была аннулирована.

Теперь у меня был безупречный инструмент.

Профессор наклонился ко мне, внимательно вглядываясь в лицо:

— Мальчик, как ты себя чувствуешь? Голова не болит?

— Нет, — ответил я. — Чувствую себя хорошо.

— А память? Помнишь, что с тобой было?

Я помнил всё.

И ничего одновременно.

Помнил, как умирал в машине под Пекином.

Помнил, как строил Марс.

Помнил, как Голос отправлял меня в Читу.

Но не помнил, как заболел.

Не помнил дней до палаты.

— Помню, что болел, — осторожно произнёс я. — Но подробности... туман.

Профессор кивнул, но в его глазах осталось сомнение.

Он верил в науку.

А наука не могла объяснить то, что сейчас происходило перед ним.

— Вам нужно наблюдение, — произнёс он, поворачиваясь к родителям. — Минимум неделя. Полный покой. Никаких нагрузок.

Медея кивнула.

Но я видел: она уже думает о катке. О том, как её сын снова встанет на лёд. О том, какой след могла оставить болезнь.

Только следа не было.

Я перевёл взгляд на отца.

Эраст Давидович Чиковани.

Главный инженер Тбилисского авиационного завода номер тридцать один. Человек, державший в кулаке многотысячное секретное производство, где собирали реактивные истребители МиГ-двадцать один.

Он стоял в дверях прямо в строгом сером рабочем костю-

ме. Из нагрудного кармана торчал инженерный цанговый карандаш. От него пахло табаком «Казбек», бумагой чертежей и машинным маслом.

Истинный Чиковани.

Представитель старого мингрельского княжеского рода, привыкшего брать своё жёстким умом, характером и умением идти до конца.

На заводе его боялись и уважали.

Он редко позволял себе показывать эмоции.

Но сейчас пальцы, сжимавшие фетровую шляпу, заметно дрожали.

Отец сделал шаг в палату.

Его тяжёлый, волевой взгляд встретился с моим.

— Володя, — негромко произнёс он по-русски, как привык говорить на режимном объекте, отбрасывая домашнее «Ладо».

Внутри меня вдруг поднялось глубокое, зрелое уважение к его породе и уму.

Я приподнялся на локтях, проигнорировав попытку матери уложить меня обратно.

Два Чиковани — взрослый мужчина и десятилетний мальчик со взглядом человека, прожившего несколько жизней, — смотрели друг на друга.

— Всё в порядке, отец, — твёрдо ответил я по-русски. — Кризис миновал. Ошибки исправлены. Пора возвращаться на лёд.

В палате повисла мёртвая тишина.

Мать побледнела.

Профессор выронил ручку, которой собирался сделать запись в истории болезни.

Три часа назад этот десятилетний мальчик дышал через раз.

А сейчас разговаривал с отцом так, словно не просил разрешения вернуться на каток, а докладывал о принятом решении.

Эраст Давидович медленно подошёл к кровати.

Он смотрел на меня долго, внимательно, словно пытался разгадать загадку.

Потом протянул руку и положил её мне на плечо.

Ладонь была тяжёлой, тёплой, шершавой.

— Ты изменился, Володя, — тихо произнёс он. — Ты стал... другим.

— Я повзрослел, отец, — ответил я. — Болезнь учит.

Он кивнул.

Но я видел: не поверил.

Он видел не просто повзрослевшего ребёнка.

Он видел что-то другое.

Что-то, чему пока не мог найти объяснения.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Если ты хочешь на лёд, ты пойдёшь на лёд. Но сначала — восстановление. Понял?

— Понял, отец.

Он сжал моё плечо и отошёл.

Медея посмотрела на него с благодарностью.

Она знала: без его согласия ничего не будет.

Вечером, когда родители ушли, я лежал в темноте и смотрел в потолок, на котором едва угадывались трещины облупившейся побелки.

Пятница, пятнадцатое октября одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года.

Мне десять лет и пять месяцев.

Я родился в мае пятьдесят пятого, а сейчас на дворе уже осень шестьдесят пятого.

Я был в петле.

Я был проектом.

Я был мечом, выкованным в десятках безжалостных печей.

Но сейчас, в этой маленькой больничной палате, среди въевшегося запаха хлорки и карболки, я впервые подумал о другом.

Может быть, в этот раз я не стану мечом.

Может быть, в этот раз я смогу стать просто... сыном.

Я медленно сжал руку.

Кулак был слабым, детским.

Но в нём уже звенела железная воля человека, прожившего не одну жизнь.

Великая селекция родов Чиковани и Геловани началась.
Но на этот раз правила этой игры буду устанавливать я.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.